

§ 1. Исполнение обязательства.

§ 2. Просрочка исполнения.

§ 3. Ответственность должника за неисполнение обязательства.

§ 4. Возмещение ущерба.

§ 5. Прекращение обязательства помимо исполнения

§ 1. ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

1. По своей природе обязательство — отношение временное, нередко кратковременное, которое должно прекратиться. Нормальный способ прекращения обязательства — *исполнение*

(применительно к денежным обязательствам употребляется также термин «платеж»). В эпоху господства формализма одного исполнения обязательства было недостаточно для его прекращения: проводился принцип, что обязательство погашается актом, противоположным тому, с помощью которого оно установлено (*conturarius actus*); например, обязательство, установленное путем обряда *per aes et libram* (с помощью меди и весов), погашалось таким же образом, но в обратном порядке, с произнесением противоположных формул. В классическую эпоху требование «обратного акта» уже отпало.

2. Для того чтобы исполнение привело к освобождению должника от обязательства, необходимо было соблюдение ряда условий.

Во-первых, исполнение (платеж) должно быть произведено лицом, способным распоряжаться своим имуществом (по римскому выражению, способным ухудшать свое имущественное положение, J. I. 21. рг.). Личное исполнение должника требовалось только по тем обязательствам, содержание которых имеет строго личный характер (например, обязательство художника написать картину). Если личные свойства должника не имели существенного значения, исполнить обязательство мог не только должник, но и любое третье лицо (если третье ; лицо платит чужой долг по ошибке, ему давался иск для истребования уплаченного обратно; см. ниже, разд. VII, гл. VII, § 3).

Во-вторых, исполнение должно быть произведено лицу, способному его принять. Таким лицом является: кредитор (если он признается способным распоряжаться своим имуществом), его законный представитель, поверенный, лицо, специально указанное в договоре как имеющее право принять исполнение.

В-третьих, исполнение должно строго соответствовать содержанию обязательства. Во всяком случае, без согласия кредитора должник не имеет права исполнять обязательство по частям. По соглашению сторон взамен предмета обязательства можно было предоставить для погашения обязательства что-либо иное; это называлось *datio in solutum* (предоставление вместо платежа или замена исполнения). В связи с экономическим, в частности аграрным, кризисом позднейшей императорской эпохи Юстиниан разрешил должнику и без согласия кредитора погашать денежные долги путем передачи кредитору земельных участков соответствующей стоимости.

В-четвертых, примерно со II в. до н.э., когда с развитием средиземноморской торговли в практику вошли договоры между лицами, живущими в разных местах империи, и в отношении товаров, находящихся не там, где заключается договор (например, в Риме продается африканская пшеница), причем цены на продаваемые товары в разных местах были различны, получило важное значение *место исполнения*. Как правило, место исполнения определялось по тому месту, где можно предъявить иск из данного обязательства, а таким местом считалось местожительство должника или (по желанию одной из сторон) Рим.

В-пятых, обязательство должно быть исполнено в срок, предусмотренный в договоре или вытекающий из характера договора и обстоятельств его заключения (на-пример, при продаже товара, находящегося в другом месте, должник, естественно, имел в своем распоряжении время, нормально необходимое для перевозки товара, и т.п.). Если ни содержанием договора, ни его характером срок исполнения не определялся, должник обязан был исполнять обязательство по первому требованию кредитора.

Досрочное исполнение обязательства допускалось только в том случае, если это не нарушало интересов кредитора; так, можно было досрочно вернуть вещь, полученную в бесплатное пользование, но досрочное возвращение вещи, принятой на бесплатное хранение, допускалось с согласия кредитора.

§ 2. ПРОСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ

1. *Просрочка должника.* До последнего времени было общепризнано, что пропуск должником срока исполнения обязательства сам по себе не приводил в римском праве к какой-либо специальной, усиленной ответственности должника, если кредитор не сделал со своей стороны некоторых шагов к тому, чтобы поставить должника в положение лица, находящегося в просрочке. В результате новейших исследований в области науки римского права можно считать доказанным, что классическому праву не было известно такое условие просрочки: в классическую эпоху должник считался «в просрочке», как только он не исполнил обязательства в надлежащее время. Только по законодательству Юстиниана одним из необходимых элементов просрочки должника являлась *interpellatio*, т.е. напоминание со стороны кредитора. Однако и тогда в некоторых случаях просрочка должника наступала независимо от напоминания; так, если в обязательстве содержался точный срок исполнения, то он сам по себе как бы напоминал должнику о необходимости платежа (*dies interpellat pro nomine*, срок напоминает вместо человека), вор всегда считался просрочившим, так что *interpellatio* не требовалась, и т.д.

Кроме указанных элементов просрочки (наступление срока исполнения, напоминание со стороны кредитора, неисполнение обязательства) требовалось еще, чтобы неисполнение обязательства в надлежащее время произошло без уважительных для того причин.

2. Просрочка в исполнении обязательства влекла для должника неблагоприятные *последствия*, которые в общем сводились к тому, что кредитор вправе был требовать полного вознаграждения за весь тот ущерб, какой для него мог возникнуть вследствие неисполнения обязательства. Прежде всего римские юристы устанавливали общее положение, что вследствие просрочки должника обязательство «perpetuatur», т.е. становится постоянным, увековечивается. Раб, которого должник обязан был передать к такому-то сроку кредитору и передачу которого он просрочил, мог фактически умереть после наступления просрочки, притом без всякой вины должника; тем не менее это обстоятельство не освобождало должника; юристы образно выражали продолжающуюся ответственность должника словами, что раб должен быть передан и «мертвым» (как если бы он был жив, D.45.1.82.1), т.е. должна быть уплачена его стоимость. Это значит, что если до просрочки должник отвечал только за вину, но не за случайно наступивший вред, то, допустив просрочку, он становился ответственным и за случайный вред. В императорский период ответственность просрочившего должника смягчили в том отношении, что предоставили ему возможность доказывать, что и при своевременном исполнении обязательства кредитор не избежал бы понесенного вреда, так как предмет обязательства одинаково погиб бы и у кредитора. Практически доказать это, разумеется, было чрезвычайно трудно.

Другое неблагоприятное для должника последствие просрочки состояло в том, что при исчислении суммы возмещения в пользу кредитора возможное уменьшение стоимости предмета обязательства (к моменту присуждения) не уменьшало ответственности должника, тогда как, наоборот, вздорожание к этому времени предмета обязательства увеличивало сумму взыскания.

Однако наивысшую (за весь промежуток времени между наступлением просрочки и присуждением) цену вещи платил только вор; всякий другой должник, в частности просрочивший исполнение договорного обязательства, присуждался в таком размере лишь в том случае, если кредитор доказывал, что при своевременном исполнении обязательства он именно в тот момент, когда была наиболее высокая цена вещи, продал бы ее.

Наконец, за просрочку с должника взыскивались проценты.

3. Действие просрочки должника прекращалось, если он предлагал (реально, а не на словах) кредитору всю сумму долга с теми обременениями, которые возникли в результате просрочки; то же самое наступало в том случае, если стороны договаривались о продолжении обязательственных отношений (например, о новых сроках исполнения).

Прекращение действия просрочки не уничтожало, однако, уже возникших последствий просрочки.

4. *Просрочка кредитора* наступала, если он без уважительных причин не принимал исполнения обязательства, предложенного ему должником надлежащим образом.

Основание признания такого института заключалось в том, что хотя принятие исполнения — не обязанность кредитора, а только его право, однако должник не должен страдать от того, что кредитор без достаточного основания не принимает исполнения. Неблагоприятные последствия, проистекающие для должника от непринятия кредитором исполнения, могли бы выразиться в необходимости хранить предмет долга, нести ответственность за его целостность и т.д.

Поэтому просрочка кредитора имела своим последствием прежде всего ослабление ответственности должника: если по характеру обязательства он отвечал бы даже за легкую неосторожность, то с момента просрочки кредитора должник отвечал только за умысел и грубую неосторожность (см. ниже, § 3, п. 2); если долг был процентным, начисление процентов прекращалось. Далее, должнику предоставлялась возможность вообще освободиться от всяких забот о предмете долга, сдав его в помещение суда или храма. В древнереспубликанском праве разрешалось в этих случаях просто выбросить предмет долга; с развитием хозяйственной жизни такое бесцельное уничтожение имущественных ценностей было признано недопустимым.

§ 3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНИКА ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

1. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником своего обязательства он нес ответственность перед кредитором.

Формы ответственности неисправных должников были неодинаковые в различные исторические периоды. В более отдаленные эпохи ответственность имела *личный* характер: в случаях неисполнения должником лежащей на нем обязанности к нему применялись (притом самим кредитором) меры воздействия, направленные непосредственно на его личность (заключение в тюрьму, продажа в рабство, даже лишение жизни).

Указания на такую личную ответственность содержатся еще в постановлениях XII таблиц. С течением времени формы ответственности были смягчены: за неисполнение обязательств должники стали отвечать не своей личностью, а *имуществом* (имущественная ответственность была установлена, хотя еще и не во всех случаях, законом Петелия в IV в. до н.э.). В развитом римском праве последствием неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства являлась обязанность должника возместить кредитору понесенный им ущерб.

2. Ответственность должника строилась в римском праве на принципе вины: должник отвечал только в том случае, если он виновен в возникшем для кредитора ущербе. Вина должника могла быть разной степени. Наиболее тяжелой и недопустимой формой вины признавалось *умышленное* причинение вреда — *dolus*, например лицо, обязанное передать другому лицу вещь, которая находилась у первого в пользовании, залоге, на хранении и т.п., портит или уничтожает эту вещь с целью причинить убыток ее собственнику. Другая форма вины *culpa* — *неосторожность*, небрежность, различавшаяся по степени небрежности: грубая неосторожность (*culpa lata*) и легкая небрежность (*culpa levis*). Эти понятия определялись римскими юристами следующим образом. Считалось, что грубую небрежность допускает тот, кто не

предусматривает, не понимает того, что предусматривает и понимает всякий средний человек (*nom intellegere quod omnes intellegunt*, D. 50. 16. 213. 2). Легкой небрежностью признавалось такое поведение, какого не допустил бы хороший, заботливый хозяин (*bonus paterfamilias, diligen-tissimus*, D. 19.2.25.7). На должнике лежала обязанность соблюдать заботливость (*diligentia*); мера требуемой заботливости в разных договорах была разная; несоблюдение требуемой заботливости есть *culpa*, неосторожная вина. Частным видом заботливости являлась охрана вещи, составляющей предмет обязательства; в этом смысле говорят, что должник обязан к *custodia*, охране вещи.

За *dolus* отвечали всегда независимо от характера договора; больше того, не признавались действительными соглашения, в которых лицо заранее отказывалось от своего права требовать возмещение умышленно причиненного вреда (уже причиненный умышленно вред может быть прощен потерпевшим). Равным образом и за грубую неосторожность должник отвечал по каждому договору (сложилась даже поговорка: «*culpa lata dolo aequi-paratur*», т.е. грубая неосторожность приравнивается к умыслу).

Более строгая ответственность, т.е. даже за легкую неосторожность, возлагалась на должника лишь в тех договорах, которые нельзя считать заключенными исключительно в интересах кредитора. Так, лицо, принимающее вещь на бесплатное хранение, само в этом договоре не заинтересовано; поэтому оно отвечало за порчу или уничтожение принятой вещи только тогда, когда его можно признать допустившим грубую неосторожность; за легкую неосторожность лицо, бесплатно хранившее вещь, не несло ответственности. Напротив, лицо, которому дали вещь в бесплатное пользование, отвечало даже за легкую небрежность, так как оно непосредственно заинтересовано в договоре. К неосторожности приравнивалась также *imperitia*, неопытность, неумение что-то совершить; например, лицо берется выполнить известную работу и по неопытности выполняет ее ненадлежащим образом; юрист возлагал на него ответственность ввиду того, что он взялся выполнить работу как мастер своего дела (*ut artifex*, D. 19.2.9.5).

Из приведенного объяснения римскими юристами понятий грубой и легкой небрежности видно, что римские юристы устанавливали небрежность лица, руководствуясь **абстрактным** масштабом (хороший хозяин — не какой-либо конкретный, а вообще средний человек).

Были, однако, такие виды отношений, где договорная ответственность строилась не по абстрактному (поведение среднего человека, поведение хорошего хозяина), а по конкретному масштабу. Так, при договоре товарищества каждый из товарищей отвечал

перед другим за так называемую *culpa in concrete* (конкретную вину), т.е. от каждого из участников товарищества требовалось проявление такой заботливости, внимательности и т.п. к общему имуществу, к общему делу, какие он (а не воображаемый хороший хозяин) прилагал (конкретно) к своим собственным делам, к собственному имуществу (*diligentia quam suis rebus adhibere solet*, D. 17.2.7.2).

Как правило, каждый отвечал только за свою личную вину; за действия других лиц должник отвечал лишь тогда, когда можно было и ему поставить в вину или недостаточно осторожный выбор необходимого помощника и т.п., действием которого причинен ущерб кредитору, или недостаточно внимательное наблюдение за действиями такого помощника (о подлинной ответственности за действия других лиц см. ниже, разд. VII, гл. IV, §5, п. 2).

3. Если лицо проявляло полную внимательность, заботливость и т.п., а вред все-таки наступил, говорят о случайном вреде, *за случай (casus) никто не отвечает*. Практически это означало, что случайно наступивший ущерб приходится терпеть собственнику уничтоженного, испорченного и т.п. имущества (*casum sentit dominus*).

Лишь в некоторых особых категориях отношений, когда признавалось необходимым усилить ответственность, допускалась ответственность и за случай. Но и тогда должник все же мог освободиться от ответственности, если наступивший случай был исключительной, стихийной силой — *cui resisti non potest* (сопротивление которой невозможно) или так называемой *vis maior* (неодолимой силой).

Такая широкая ответственность была, например, возложена преторским эдиктом на содержателей трактиров, постоялых дворов, кораблей за вещи, принятые от их посетителей и путешественников.

§ 4. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

1. Вред, или ущерб, можно понести в имуществе ли-бо в интересах личного неимущественного характера. Вопрос о том, возмещался ли по римскому праву вред неимущественного характера, остается спорным. Во вся-ком случае, наиболее важное значение в римском праве имело возмещение имущественного вреда.

Основанием обязательства возместить вред могло служить правонарушение, или деликт (например, унич-тожение или повреждение чужих вещей); такое обяза-тельство могло возникнуть как следствие неисполнения или ненадлежащего исполнения любого договора; можно было также по специальному договору принять на себя обязанность возмещения вреда, наступающего при из-вестных обстоятельствах.

2. Понятие вреда римские юристы слагали из двух элементов: а) *damnum emergens*, *положительные потери*, т.е. лишение того, что уже входило в состав имущества данного лица, и б) *lucrum cessans*, *упущенная выгода*, т.е. непоступление в имущество данного лица тех ценностей, которые должны были бы поступить при нормальном течении обстоятельств (т.е. не будь обстоятельства, кото-рое служит основанием возмещения).

Размер возмещения вреда иногда определяется по рыночной стоимости недоставленных, уничтоженных, поврежденных вещей (*vera rei aestimatio*, настоящая стоимость вещи), в большинстве случаев учитывается стоимость вещи при данных, конкретных обстоятельст-вах. В источниках приводится пример (убит раб, входив-ший в состав трупы рабов-актеров; при возмещении вреда за убитого раба учитывается, между прочим, уменьшение стоимости остальных рабов ввиду наруше-ния ансамбля (Gai. 3.212; D.9.2.22.1). Однако всякого рода личные привязанности потерпевшего во внимание не принимаются; так, если убитый раб является сыном потерпевшего рабовладельца, его родительская привя-занность не учитывается (D.9.2.33). Ущерб, исчисляемый по обстоятельствам данного хозяйства, принято обозна-чать как интерес (*id quod interest*).

3. При определении вреда, подлежащего возмещению, не принимался в расчет тот вред, который наступил вследствие беззаботности, нераспорядительности и т.п. самого потерпевшего. В источниках приводится, например, такой случай. Рабовладелец закупил пшеницу для содержания своих рабов; продавец не доставил пшеницу. Покупатель желает получить возмещение ущерба, понесенного вследствие гибели рабов от голода. Юрист дает ответ, что возмещению подлежит стоимость пшеницы, но не рабов, так как покупатель должен был купить пшеницу (за счет неисправного продавца) в другом месте и не доводить своих рабов до голодной смерти (D. 19.1.21).

4. Возмещались только ближайšie последствия того факта, который служил основанием возмещения (прямые убытки), но не косвенные (более отдаленные) убытки; например, лицо, повредившее чужое здание, отвечало за стоимость необходимых исправлений, но не кражу, совершенную рабочими, производившими необходимые исправления.

§ 5. ПРЕКРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПОМИМО ИСПОЛНЕНИЯ

1. *Новацией* (или обновлением) назывался договор, которым существующее обязательство погашалось путем установления вместо него нового обязательства. В Риме для цели новации служил устный договор — так называемая стипуляция (см. ниже, разд. VII, гл. 1).

Для того чтобы новация произвела погашающее (в отношении прежнего обязательства) действие, было необходимо, чтобы новое обязательство устанавливалось именно с таким намерением (*animus novandi*) и чтобы в нем был какой-нибудь новый элемент по сравнению с первоначальным обязательством: например, новое обязательство изменяло основание (долг из купли-продажи превращался в заемное обязательство и т.п.), содержание (обязательство предоставить вещь заменялось обязательством уплатить денежную сумму и т.п.), субъектов обязательства (в последнем случае говорят

о делегации или переводе на другое лицо права требования или долга).

2. *Зачет*. Обязательство могло прекратиться посредством зачета (*compensatio*) его за встречное требование. Погашение взаимных обязательств посредством их зачета происходило, конечно, в том размере, в каком одно требование совпадает с другим (если А должен В 500, а В должен А 800, то в результате зачета первое обязательство прекращается, а второе остается в сумме 300).

В Риме зачет появился не как способ прекращения обязательств, а как средство упрощения процесса. Если истец по одному иску был ответчиком по иску того лица, которое являлось его ответчиком, то древнейшее римское право не допускало объединения этих двух судебных дел в одно, а требовало самостоятельного предъявления и рассмотрения каждого из этих двух исков. Для малоразвитого права представлялось недопустимым и опасным соединение в одном процессе двух встречных претензий. Только в формулярном процессе, и то сначала лишь для некоторых специальных случаев, возникла идея о зачете взаимных требований. Так, было установлено, что банкиры, предъявляя иски к своим клиентам, должны были зачитывать взаимные претензии клиентов; иначе банкир, как допустивший *pluspetitio* (см. выше, разд. II, § 3, п. 6), получал отказ в иске и терял свое право требования. Другой случай зачета встречных претензий имел место при взыскании долгов, принадлежащих к имуществу не-состоятельного должника. Применялся также зачет взаимных претензий, возникших из одного и того же договора *bonae fidei* (см. выше, разд. VI, гл. II, § 3), хотя бы ни одна из сторон не просила о зачете. По договорам строгого права зачет взаимных требований вначале мог иметь место только по усмотрению суда в тех случаях, когда в формулу вставлялась *exceptio doli*.

Дальнейшее развитие зачета связано с постановлением Марка Аврелия о том, что в случае предъявления ответчиком *exceptio doli* зачет должен производиться не по усмотрению суда, а в силу закона. Однако, как всякое частное право, право зачета осуществлялось не автоматически, а лишь по просьбе заинтересованного лица (путем предъявления *эксцепции*).

Необходимые условия для зачета при Юстиниане состояли в следующем: зачету подлежали лишь а) встречные требования (кредитор по одному требованию — должник по другому, и обратно); б) действительные; в) однородные (деньги за деньги, вино за вино и т.п.); г) зрелые (в смысле наступления срока погашения); д) ясные (*liquidae*).

Нельзя было требовать зачета, если основное требование направлено на возврат того, что должник незаконно присвоил себе, на возврат отданного на сохранение, на взыскание алиментов и т.д.

¹ Банкир в античном Риме (*argentarius*) — это меняла, а также лицо, которое вело денежные дела богатых рабовладельцев (производило и принимало платежи и т.п.).